

З. В. УДАЛЬЦОВА

НЕКОТОРЫЕ НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

За последние годы в нашей стране и за рубежом необычайно возрос общественный и научный интерес к проблемам культуры. Возрастание интереса к культуре и ее истории является отражением важных глубинных закономерностей развития современного мира. Вместе с тем все яснее становится необходимость теоретического осмысления важнейших проблем истории мировой культуры, в частности и византийской, как важного компонента единого динамичного процесса развития человеческого общества. Поэтому понятна острота дискуссий, развернувшихся по проблемам культуры в недавнее время.

Прежде всего, как это ни парадоксально на первый взгляд, ведутся оживленные споры по ключевому вопросу — что такое культура, какой смысл надо вкладывать в это понятие? Многозначность этого термина порождает немало дефиниций самого различного характера, от предельно «широких», «всеобъемлющих» до самых «узких». Не будем останавливаться на всех определениях, приведем лишь отдельные примеры. Так, некоторые ученые феномен культуры определяют как «способ человеческой деятельности», как «все, сделанное человеком, а не данное природой», как «совокупность надбиологических средств и механизмов адаптации общественного человека к окружающей среде». Эти определения культуры представляют высшую ступень абстракции¹. При всей широте и философской значимости этих определений, они, на наш взгляд, таят в себе опасность растворить в понятии «культура» всю историю человечества. Между тем культура — лишь часть общеисторического процесса, один из аспектов жизни общества.

Оживленные споры ведутся и по вопросу о том, включать ли в понятие «культура» материальную деятельность человека? Представители отдельных отраслей науки, вкладывая различные понимания в термин «культура», по-разному решают эту проблему. Этнографы полагают, что культура — это все, что сделано руками и разумом человека, в отличие от даров природы; археологи считают, что в это понятие входит прежде всего материальная деятельность людей, по которой можно судить также об их духовной жизни; историки и специалисты по отдельным отраслям культуры отождествляют «культуру» в первую очередь с духовной активностью общества. Этот вопрос, естественно, весьма спорный, и можно привести немало аргументов в пользу того или иного его разрешения²⁻³.

* Доклад, прочитанный в мае 1979 г. в Тбилиси на Международном симпозиуме, посвященном истории византийской культуры.

¹ Маркьян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969, с. 11 и сл.; Файнбург З. И. К вопросу о понятии культуры и периодизации ее исторического развития. — Изв. Северо-Кавказского науч. центра высш. школы, 1976, № 3.

²⁻³ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 47—77; Маркьян Э. С. Теория

Может быть, однако, существует еще один путь в трактовке этой сложной проблемы. Материальная сфера культуры, по нашему мнению, не тождественна производству, а составляет созидательное, творческое, рациональное начало материальной деятельности человека. Это не само производство, не сами механизмы, машины или технология, а идеи и принципы, знания и творческие импульсы, вложенные человеком в их создание. Однако нельзя сводить понятие «культура» исключительно к духовной жизни общества, как это делают многие зарубежные ученые⁴. Думается, что в феномене «культура» органически сочетаются, сливаются воедино материальная и духовная сферы созидательной, творческой деятельности людей, направляемые разумом, трудом и талантом человека.

Византиноведению в целом и истории византийской культуры в частности очень повезло. История византийской культуры всегда была в поле зрения исследователей⁵. Здесь мы с удовлетворением можем назвать имена выдающихся ученых, внесших ценный вклад в историю византийской культуры. Среди зарубежных византинистов Запада следует особо выделить труды таких выдающихся ученых, как П. Лемерль, Г. Хунгер, Г.-Г. Бек⁶. Весьма плодотворны, на наш взгляд, разыскания известной французской византистки Э. Арвейлер в области политической идеологии византийского общества, которая трактуется в общем контексте социально-политической и культурной жизни Византии⁷. Последнее время особо пристальное внимание ученых привлекает культура поздней Византии⁸. Крупнейший греческий византинист Д. А. Закитинос своими трудами пролил новый свет на развитие культуры греческого деспотата в Море и в Византии в эпоху Палеологов⁹. Проблемы византийского

культуры в системе общественных наук. — Изв. Северо-Кавказского науч. центра высш. школы, 1976, № 3; ср. *Margaret T. Hogden. Anthropology, History and Cultural Change. The University of Arizona Press. Tucson, 1974; Межуев В. М. Культура и история (проблемы культуры в философско-исторической теории марксизма). М., 1977.*

⁴ См.: *Kroeber A. I., Parsons T. The Concept of Culture and of Social System. — American Sociological Review, Oct. 1958, vol. 23; Parsons T. Culture and Social System Revisited. — In: The Idea of Culture in the Social Science. Cambridge. The University press, 1973; Berkhofer R. F. Clio and the Culture Concept: Some Impression of a Changed Relationship in American Historiography. — Ibidem; ср.: Кертман Л. Е. К методологии изучения культуры и критике ее идеологических концепций. — Новая и новейшая история, 1973, № 3.*

⁵ Библиографию работ по истории византийской культуры и искусства см.: *Guillou A. La civilisation byzantin. Paris, 1974, p. 593—594; 603—605; Wessel K. Die Kultur von Byzanz. Frankfurt am Main, 1970, S. 516—517; Haussig W. A History of Byzantine Civilization. London, 1971, p. 388—390; Банк А. В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.; М., 1966; Она же. Прикладное искусство Византии IX—XII вв. М., 1978, с. 167—183.*

⁶ *Lemerle P. Le premier humanisme byzantin. Notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance dès origines au X-e siècle. Paris, 1971; Idem. Byzance au tournant de son destin. — In: Cinq études sur le XI-e siècle byzantin. Paris, 1977; Hunger H. Byzantinische Geisteswelt von Konstantin dem Großen bis zum Fall Konstantinopels, 2. Ausgabe. Amsterdam, 1967; Idem. Reich der neuen Mitte. Der christliche Geist der byzantinischen Kultur. Graz., Wien, Köln, 1965; Idem. Byzantinische Grundlagenforschung. Variorum Reprints. London, 1973; Idem. Klassizistische Tendenzen in der byzantinischen Literatur des 14. Jahrhunderts. — Actes du XIV-e Congrès Intern. des études byzantines. Bucarest, 1974, 1; Beck H.-G. Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971; Idem. Besonderheiten der Literatur in der Paläologenzeit. — In: Art et société à Byzance sous les Paléologues. Venise, 1971, p. 43—52; Idem. Das literarische Schaffen der Byzantiner. Wien, 1974; Idem. Ideen und Realitäten in Byzanz. Gesammelte Aufsätze. London, 1972; Idem. Das byzantinische Jahrtausend. München, 1978.*

⁷ *Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantin. Paris, 1975.*

⁸ На эту тему был проведен в октябре 1968 г. в Венеции специальный коллоквиум, организованный Международной ассоциацией византинистов. — См.: *Art et société à Byzance sous les Paléologues. Venise, 1971.*

⁹ *Zakythinos D. A. Byzance: Etat—Société—Economie. London, 1973; Idem. Etats—Sociétés—Cultures. En guise d'introduction. — In: Art et société à Byzance sous les Paléologues. Venise, 1971, p. 1—12.*

и итальянского гуманизма получили оригинальное разрешение в трудах недавно умершего видного итальянского византолога А. Пертузи¹⁰.

Духовная жизнь византийской элиты XIV в. по-новому предстала в сочинениях американского историка и филолога И. Шевченко¹¹. Ислам и религиозные течения в поздней Византии нашли своего глубокого исследователя и истолкователя в лице крупного американского византиста И. Мейендорфа¹².

Мы не имеем возможности перечислить здесь все множество работ западных византистов, посвященных более частным проблемам истории византийской культуры¹³. Хочется лишь подчеркнуть, что исследования подобного рода являются давней и весьма позитивной традицией западного византиноведения.

Поистине безбрежна научная литература по истории византийского искусства. Из огромного числа работ зарубежных ученых следует выделить прежде всего труды таких крупнейших западных исследователей, как А. Грабар, А. К. Орландос, К. Вейцман, О. Демус, Д. Талбот-Райс¹⁴. За последние годы видное место среди историков византийского искусства заняли М. Хадзидакис, К. Манго, Г. Белтинг и другие¹⁵.

Разработка важнейших проблем византийской культуры находится постоянно в поле зрения византистов социалистических стран. Предметом многолетних исследований видного восточногерманского историка и филолога И. Ирмшера являются проблемы становления и развития византийской литературы, изучение ее связей с социальной структурой

¹⁰ *Pertusi A.* Leonzio Pilato fra Petrarca e Boccaccio. Venezia; Roma, 1964; *Idem.* Storiografia umanistica e mondo Bizantino. Palermo, 1967; *Idem.* In margine alla questione dell'umanesimo bizantino: il pensiero politico del cardinal Bessarione e i suoi rapporti con il pensiero di Giorgio Gemisto Plethone. — RSN, NS, 1968, N 5.

¹¹ *Sevchenko I.* Society and intellectual life in the XIV-th century. — Actes du XIV-e Congrès Intern. des études byzantines. Bucarest, 1974, 1, p. 69—92; *Idem.* Etudes sur la polémique entre Théodore Métochite et Nicéphore Chumnos. Bruxelles, 1962; *Idem.* Théodore Métochites, the Chora and the intellectual trends of his time. — In: The Kariye Djami/Ed. P. A. Underwood. Princeton, 1975, vol. IV.

¹² *Meyendorff I.* Les débuts de la controverse hésychast. — Byz., 1953, 23; *Idem.* Introduction à l'études de Grégoire Palamas. Paris, 1959; *Idem.* Society and culture in the fourteenth century. Religions problems. — Actes du XIV-e Congrès Intern. des études byzantines. Bucarest, 1974; *Idem.* Spiritual trends in Byzantium in the late thirteenth and early fourteenth Centuries. — In: Art et société à Byzance sous les Paléologues, p. 55—71.

¹³ Хотелось бы лишь отметить работы французского историка А. Гийу по истории византийской культуры в Италии: *Guillou A.* Aspects de la civilisation byzantine. Notes sur quelques travaux récents. — Annales, 1969, 24; *Idem.* Demography and culture in the Exarchate of Ravenna. Spoleto, 1970.

¹⁴ Назовем лишь их главные работы: *Grabar A.* La peinture byzantine. Genève, 1953; *Idem.* L'empereur dans l'art byzantin. Paris, 1936; *Idem.* Christian iconography. Washington, 1968; *Idem.* Sculptures byzantines de Constantinople. Paris, 1963; *Idem.* Les manuscrits grecs enluminés de provenance italienne (IX—XI-e s.). Paris, 1972; *Idem.* Les revêtements en or et en argent des icônes byzantines du moyen âge. Venise, 1975; *Orlandos A. C.* Ἀρχαῖον Βυζαντινῶν Μνημείων τῆς Ἑλλάδος, τ. 1—3. Ἀθήναι, 1935—1937; *Idem.* La basilique paléochrétienne couvert en bois. Athènes, 1950—1957, 2 v.; *Idem.* Quelques notes complémentaire sur les maisons paléologuennes de Mistra. — In: Art et société à Byzance, p. 75—82; *Weitzmann K.* Die byzantinische Buchmalerei des IX—X Jahrhunderts. Berlin, 1935; *Idem.* The Ioshua Roll. A work of the Makedonian Renaissance. Princeton, 1948; *Idem.* Geistige Grundlagen und Wesen der makedonischen Renaissance Cologne. Opladen, 1963; *Idem.* Studies in classical and byzantine manuscripts illumination. Chicago, London, 1971; *Demus O.* Byzantine art and West. New York, 1970; *Idem.* Byzantine Mosaic Decoration. London, 1948; *Talbot Rice D.* The Art of Byzantium. London, 1959; *Idem.* Byzantine painting. The Last Phase. London, 1968; *Idem.* Art of the Byzantin Era. London, 1963.

¹⁵ *Chatzidakis M.* Classicism et tendances populaires au XIV-e siècle. — Actes du XIV-e Congrès Intern. des études byzantines. Bucarest, 1974, 1, p. 153—188; *Mango C.* The Art of the Byzantine empire. Sources and documents. New York, 1972; *Belting H.* Das illuminierte Buch in der spätbyzantinischen Gesellschaft. Heidelberg, 1970; *Idem.* Die Auftraggeber der spätbyzantinischen Bildhandschrift. — In: Art et société à Byzance, p. 151—176.

общества¹⁶. Взаимосвязи византийской культуры и культуры славянских народов глубоко изучены в многочисленных трудах болгарских ученых Д. Ангелова и И. Дуйчева, югославских историков искусства Дж. Бошковица, С. Радойчича и многих других¹⁷.

В советской историографии мы видим целую плеяду выдающихся ученых, посвятивших свои изыскания истории византийской культуры и ее связям с культурой Древней Руси, Западной Европы, славянских стран и народов Закавказья.

Непреходящее значение для византиноведения имеют труды замечательного советского ученого В. Н. Лазарева. Его исследования по истории искусства Византии, Древней Руси и Италии эпохи Возрождения по праву занимают выдающееся место в мировой искусствоведческой науке. Вместе с тем они непосредственно связаны со всей историей культуры Европы в средние века¹⁸.

Видное место в разработке проблем истории византийского и древнерусского искусства занимают произведения известных советских ученых М. В. Алпатов и Н. И. Брунова¹⁹. Пониманию особенностей византийской культуры и ее связей с древнерусской помогают труды крупнейших советских ученых Б. А. Рыбакова и Д. С. Лихачева²⁰.

Советские византилисты старшего поколения весьма плодотворно разрабатывали важнейшие проблемы византийской культуры применительно к определенным хронологическим периодам. Прежде всего хочется

¹⁶ *Irmischer J.* Der Hellenismus im Geschichtsverständnis der Byzantiner. — In: *Soziale Probleme im Hellenismus und in Römischen Reich.* Prag, 1973, S. 37—62; *Idem.* Geschichtsschreiber der Justinianischen Zeit. Rostock, 1969; *Idem.* Über die Weltanschauung des Agathias. — *Studia Patristica*, 1966, IX; *Idem.* Die poetische Ekphrasis als Zeugnis Justinianischer Kulturpolitik. — *Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich Schiller Universität.* Jena, 1965, 14. Jan.

¹⁷ Упомянем лишь наиболее важные работы этих исследователей: *Ангелов Д.* Богомилството в България. София, 1969; *Он же.* Кирил и Методий и византийската култура и политика. — В кн.: *Сборник в чест на Кирил и Методий.* Хиляда и сто години на славянската писменост, 863—1963. София, 1963; *Dujčev I.* Les rapports littéraires entre Byzance et les Slaves pendant le haut moyen âge. — В кн.: *Славянские культуры и Балканы.* София, 1978, 1, с. 229—238; *Он же.* Центры византийско-славянского общения и сотрудничества. — ТОДРЛ, 1963, т. XIX и др.; *Бошковић Б.* Архитектура средњег века. Београд, 1962; *Kašanin Milan, Bošković Djurdje, Mijović Pavle.* Le monastère de Žiča, Histoire architecture, peinture. Beograd, 1969; *Radović Sv.* Icones de Serbie et de Macédoine. Beograd, 1962; *Idem.* Iconi di Serbia e Macédonia. — *Silvana*, 1967, 17.

¹⁸ *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. М., 1947—1948, т. I—II; *Он же.* Феофан Грек и его школа. М., 1961; *Он же.* Константинополь и национальные школы в свете новых открытий. — ВВ, 1960, 17, с. 93—104; *Он же.* Мозаики Софии Киевской. М., 1960; *Он же.* Древнерусские мозаики и фрески XI—XV вв. М., 1973; *Он же.* Византийское и древнерусское искусство. М., 1978 (издано посмертно). О жизни и творчестве В. Н. Лазарева и библиографию его трудов см.: ВВ, 1968, 29, с. 3—34; Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Сборник статей в честь В. Н. Лазарева. М., 1973, с. 5—30.

¹⁹ *Алпатов М. В.* Царьградские миниатюры Апостола 1072 г. Университетской библиотеки в Москве. — Труды секции искусствознания. М., 1928, II, с. 108—112; *Он же.* Проблемы изучения византийской живописи. — В кн.: *Этюды по истории русского искусства.* М., 1967; *Он же.* Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси. — ТОДРЛ, 1956, XII; *Он же.* Вопросы изучения и истолкования древнерусского искусства. — *Искусство*, 1967, 1, с. 64—70; *Он же.* Памятник древнерусской живописи конца XV века. Икона «Апокалипсис» Успенского собора Московского Кремля. М., 1964; *Брунов Н. И.* Архитектура Константинополя IX—XII вв. — ВВ, 1949, 2, с. 150—214; *Он же.* Архитектура Византии. — В кн.: *Всеобщая история архитектуры.* Л.; М., 1966, т. 3, с. 16—160.

²⁰ *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963; *Он же.* Русское прикладное искусство. Л., 1971; *Он же.* Первые века русской истории. М., 1964; *Он же.* Прикладное искусство Киевской Руси IX—XI веков и южнорусских княжеств XII—XIII веков. — В кн.: *История русского искусства.* М., 1953, т. 1; *Он же.* Искусство древних славян. — Там же; *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1970; *Он же.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967; *Он же.* Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973.

отметить работы М. Я. Сюсюмова, Е. Э. Липшиц, С. Т. Еремяна, С. Г. Каухчишвили, Н. Н. Кечакмадзе, Е. Э. Гранстрем²¹.

В сфере изучения истории искусства Византии, Древней Руси, Грузии и Армении значительный вклад внесен известными советскими учеными Ш. Я. Амиранашвили, Н. Н. Вороным, Г. К. Вагнером, А. В. Банк и многими другими²².

В последние десятилетия в нашей стране круг исследователей различных отраслей византийской культуры заметно расширился, усложнилась проблематика их изысканий, менялась методика, намечались новые подходы к разрешению спорных и трудных проблем. В центре внимания ученых находилась такая кардинальная проблема, как рождение византийской культуры²³. Ценный вклад в решение этой проблемы внесли советские литературоведы, и прежде всего С. С. Аверинцев²⁴. Появились первые работы по византийской эстетике²⁵. Сделан важный шаг в изучении отдельных жанров византийской литературы и творчества выдающихся деятелей культуры Византии²⁶. Большой интерес читателей вызвали работы С. В. Поляковой и А. Д. Алексидзе о византийском романе²⁷. Создана первая в советской историографии обобщающая работа И. П. Медведева по византийскому гуманизму²⁸.

²¹ Сюсюмов М. Я. Об источниках Льва Диакона и Скилицы. — ВО, 1916; *Он же*. Проблемы иконоборчества в Византии. — УЗСГПИ, 1948, т. 4; *Он же*. Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада. — ВВ, 1973, 35, с. 3—18; О жизни и творчестве М. Я. Сюсюмова и библиографию его трудов см.: АДСВ, № 10 (К 80-летию профессора М. Я. Сюсюмова). Свердловск, 1973, с. 4—20; Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры (VIII—первая половина IX века). М.; Л., 1961; *Она же*. Право и суд в Византии в IV—VII вв. Л., 1976; Еремян С. Т. Культура Армении III—IX вв. — В кн.: Очерки истории СССР III—IX вв. М., 1954; Кавказ и Византия/Сб. статей под ред. С. Т. Еремяна. Ереван, 1979; Каухчишвили С. Г. Georgica. Тбилиси, 1934—1967, т. I—VII; *Он же*. История греческой литературы, т. III. Литература византийского периода. Тбилиси, 1973. На груз. яз.; Метревели Е. П. Материалы к истории иерусалимской грузинской колонии (XI—XVII вв.). Тбилиси, 1962. На груз. яз.; *Она же*. Две древние редакции грузинского Ирмология (по рукописям X—XI веков). Тбилиси, 1971. На груз. яз.; Кечакмадзе Н. Н. Из истории общественной мысли в Византии в XI в. — ВВ, 1968, 29, с. 170—176; *Она же*. Иоанн Итал. Сочинения. Тбилиси, 1966. На груз. яз.; Гранстрем Е. Э. Унциальный период византийской письменности. — ВВ, 1968, 29; *Она же*. К вопросу о византийском минускуле. — ВВ, 1958, 13; *Она же*. Греческие средневековые рукописи в Ленинграде. — ВВ, 1956, 8; *Она же*. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, вып. I—VIII. — ВВ, 1959, 16—1971, 32; *Она же*. О некоторых приемах оформления византийских рукописей. Доклад на международном конгрессе востоковедов. М., 1960.

²² Амиранашвили Ш. Я. История грузинского искусства. М., 1963, библи. — с. 417—427; *Он же*. Грузинская миниатюра. М., 1966; Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. М., 1961; Вагнер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польской. М., 1964; *Он же*. Скульптура древней Руси. Владимир—Боголюбово. XII в. М., 1969; *Он же*. Проблема жанров в древнерусском искусстве. М., 1974; Банк А. В. Искусство Византии в собраниях Государственного Эрмитажа. Л., 1960; *Она же*. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.; М., 1966; *Она же*. Прикладное искусство Византии IX—XII вв. М., 1978 (библи. — с. 167—183). А. В. Банк была одним из главных организаторов выставки византийского искусства в Ленинграде и Москве в 1976—1977 гг. См.: Искусство Византии в Собраниях СССР. Каталог выставки. М., 1977, вып. I—III.

²³ Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974.

²⁴ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977; *Он же*. На перекрестке литературных традиций (византийская литература: истоки и творческие принципы). — ВЛ, 1973, № 2; *Он же*. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью. — В кн.: Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976, с. 17—64. См. также: Византийская литература/Под ред. С. С. Аверинцева. М., 1974.

²⁵ Бычков В. В. Византийская эстетика. М., 1977.

²⁶ Любарский Я. Н. Михаил Пселл. Личность и творчество. М., 1978; Фрейберг Л. А., Попова Т. В. Византийская литература эпохи расцвета IX—XV вв. М., 1978.

²⁷ Полякова С. В. Из истории византийского романа. М., 1979; Алексидзе А. Д. Мир греческого рыцарского романа XIII—XIV вв. Тбилиси, 1979.

²⁸ Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976.

Значительно возрос интерес советских ученых к специальным дисциплинам: греческой палеографии, сфрагистике, нумизматике, кодикологии²⁹. В наших периодических изданиях, и прежде всего в «Византийском временнике», публикуется все большее число статей по этой проблематике. Продолжается разработка важнейших проблем византийского искусства³⁰.

Ценные сведения о культурных связях Византии с Грузией, Арменией, Древней Русью можно почерпнуть из новейших работ по искусству и художественным ремеслам этих областей³¹.

Все сказанное является, на наш взгляд, достаточно убедительным подтверждением возрастания интереса и расширения масштабов исследований работ по истории византийской культуры как в нашей стране, так и за рубежом.

Успехи в изучении византийской культуры не исключают, однако, того, что и в этой отрасли знания осталось еще немало спорных и нерешенных проблем.

Одним из вопросов, волнующих в настоящее время советских византистов, является вопрос о необходимости исследования не только отдельных отраслей культуры, но и создания общей концепции культурно-исторического процесса.

Конечно, мы отнюдь не хотим умалить заслуг специалистов, изучающих различные аспекты культурной жизни византийского общества. Более того, мы считаем весьма полезным продолжение изысканий в этих областях византиноведения. Однако рассмотрение специальной византиноведческой литературы по данной проблематике показывает, что до недавнего времени в византиноведческой науке единый взаимосвязанный процесс развития византийской культуры распадался на большое число зачастую изолированных элементов. Отдельно рассматривалась история науки и техники, философии, религии, общественной мысли, письменности и образования, языка и литературы и, наконец, всех видов искусства. Каждому разделу культуры отводилось свое место, но общий динамичный процесс рождения, расцвета и упадка византийской культуры зачастую ускользал от исследователей³².

Картина стала меняться лишь в последние годы: появились синтетические труды, в которых делаются попытки интеграции отдельных отраслей византийской культуры в единое целое. Однако, как правило, подобные попытки предпринимались в рамках истории византийской цивилизации. При этом по традиции, сложившейся в зарубежной историографии, понятие «цивилизация» трактуется в самом широком смысле и включает

²⁹ Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. (Греческие рукописи в России). М., 1977.

³⁰ Полевой В. М. Искусство Византии. — В кн.: Всеобщая история искусств. М., 1960, т. II, кн. 1; *Он же*. Искусство Греции. Средние века. М., 1973; Лихачева В. Д. Византийская миниатюра. Памятники византийской миниатюры IX—XV веков в Собрании Советского Союза. М., 1977; *Она же*. Искусство книги. Константинополь. XI век. М., 1976; Искусство Западной Европы и Византии. М., 1978.

³¹ Алибегашвили Г. Художественный принцип иллюстрирования грузинской рукописной книги XI—нач. XIII в. Тбилиси, 1973; *Mepisaschwili R., Zinzadse W.* Die Kunst des alten Georgien. Leipzig, 1977; Декоративное искусство средневековой Армении. Л., 1971; Армянская миниатюра. Ереван, 1969; *Джанполадян Р. М.* Средневековое стекло Двина X—XIII вв. Ереван, 1974; *Даркевич В. П.* Путиями средневековых мастеров. М., 1972; *Он же*. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X—XIII вв. М., 1975; *Он же*. Связи Восточной Европы со странами Азии и Византии в IX—XIII вв. (по материалам художественного ремесла). М., 1976; Древнерусская живопись. Новые открытия. М., 1966; *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965.

³² *Runciman St.* Byzantine Civilization. London, 1933; *The Cambridge Medieval History*, IV: *The Byzantine Empire*, pt. 2. Government, Church and Civilization. Cambridge, 1967.

различные стороны жизни Византийской империи: политику, экономику, социальную структуру, государство, церковь и т. п.; собственно история культуры зачастую тонет в обилии общеисторического материала³³.

Наибольшая интеграция различных элементов культуры достигнута, пожалуй, лишь в фундаментальном сочинении известного французского византиниста А. Гийу — «Византийская цивилизация», являющемся, бесспорно, лучшей из ныне существующих работ подобного жанра³⁴.

Однако новая стадия развития византиноведческой науки, накопление огромного фактического материала, критические издания источников, новые методы исследований настоятельно требуют от ученых не только интеграции отдельных отраслей византийской культуры, но и органического их синтеза. Для этого необходимо создание общей теории культуры, определение основных закономерностей и генерализующих факторов ее динамичного развития. Это главная еще во многом нерешенная проблема, которая стоит перед историками средневековой культуры в целом³⁵ и византийской в частности.

Вместе с тем необходимо помнить, что в историко-культурном процессе раскрываются общие закономерности развития культуры, являющиеся, в свою очередь, не только отражением, но и выражением в специфической форме общеисторических законов.

И здесь мы подходим к одному из самых сложных теоретических вопросов — к вопросу о соотношении исторических законов и более частных закономерностей развития культуры. Перед учеными встает крайне трудная задача выяснить, в какой степени эволюция культуры определяется закономерностями социально-экономического и политического характера, каков механизм воздействия социально-экономических факторов на явления культуры.

В марксистской науке установлено, что изменения в культуре в конечном счете отражают коренные перемены в социально-экономической структуре общества. Закономерности культурно-исторического процесса вторичны по сравнению с законами социально-экономического развития человечества. Но механизм этих связей крайне сложен, зачастую противоречив и недостаточно изучен в науке. Еще Ф. Энгельс писал: «Чем дальше удаляется от экономической та область, которую мы исследуем, чем больше она приближается к чисто абстрактно-идеологической, тем больше будем мы находить в ее развитии случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая»³⁶.

Некоторые формы культурной жизни непосредственно детерминированы особенностями той или иной общественной формации и исчезают вместе с ними. Другие во многом сохраняются в своей неповторимой ценности и переходят в наследство последующим поколениям. Однако в конечном счете кардинальные формационные сдвиги, закономерная смена общественных формаций подчиняют главные направления развития культуры, определяют ее формационные особенности, хотя это и не исключает сохранения отдельных субстратов культуры в нескольких различных формациях. Но культура сохраняет и известную автономию в общем процессе исторического развития человечества. Сфера культуры — относительно саморазвивающаяся система, основной функцией которой является обеспечение рационального и эстетического прогресса в различных

³³ Wessel K. Die Kultur von Byzanz. Frankfurt am Main, 1970; Haussig H.-W. A History of Byzantine Civilization. London, 1971.

³⁴ Guillou A. La civilisation byzantine. Paris, 1974. В этой книге в понятие «византийская цивилизация» включены такие большие разделы, как государство, общество, хозяйство, культура, им предпослан очерк о природных условиях империи; политическая история Византии в книгу правомерно не включена.

³⁵ Интересные теоретические вопросы средневековой культуры выдвинуты в работах А. Я. Гуревича: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972; Он же Время как проблема истории культуры. — Вопросы философии, 1969, № 3; и др.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 39, с. 176.

областях человеческой деятельности. В длинной цепи связей между экономическим базисом общества и его культурой можно отметить несоответствие ритма, а иногда и направления движения того и другого. В обществе наибольшая подвижность присуща средствам производства, наименьшая — некоторым субстратам культуры. В истории хорошо известны расхождения во времени, иногда значительные, между фазами подъема и упадка способов производства и фазами расцвета и увядания явлений культуры.

Периодизация истории культуры не всегда бывает тождественна с периодизацией истории общества. Иногда она строго не совпадает с периодическими историческими моментами, имея более дробное деление.

Все эти основные положения марксистско-ленинской теории, безусловно, всецело применимы и к истории византийской культуры. Но как эти закономерности проявляются в исторически данных культурах различных регионов, стран, народов? И здесь необходимо обратиться к определению того частного, особенного, неповторимого, в чем проявляется реальная жизнь данной культуры. При этом очень важно сохранить многоплановость, красочность мира, выявить тончайшие проявления умственной и духовной жизни общества и человеческой личности. Человек, представитель данной страны, эпохи, народа, класса, должен постоянно присутствовать в историко-культурных исследованиях. Не «обезлюдить» историю культуры — вот задача, стоящая перед всеми историками культуры и перед византинистами в частности.

Ключом к пониманию как общих закономерностей, так и специфических особенностей того или иного общества и его культуры могут служить, на наш взгляд, типологические построения. В последние годы явно возрастает интерес к изысканиям подобного рода. Делаются попытки вычленивать из целостного культурно-исторического процесса развития мировой культуры так называемые исторические типы культур³⁷.

Нам кажется весьма плодотворным применение метода типологизации и к истории византийской культуры. Выявление общего и особенного в византийской культуре по сравнению с Востоком и Западом, установление синхронности и асинхронности развития культуры этих регионов, их сходства и различия, противоборства и взаимовлияния, поможет в конечном счете определить не только тип византийской культуры, ее исторический «образ», но и ее место в культурной жизни средневекового мира.

Вместе с тем мы сознаем, что при создании «типа», «образа» культуры Византии как целостной социокультурной системы исследователей подстерегает опасность подмены полнокровного динамичного культурно-исторического процесса статичной, порою даже искусственной «моделью» византийской культуры. При построении типологии византийской культуры необходимо, с одной стороны, избежать сухих, абстрактных схем, оторванных от реальной действительности теорий, умозрительных концепций, но, с другой стороны, очень важно не утопить в мелочах общие закономерности ее исторического развития.

«Для исторической науки существенный интерес представляет именно конкретное исследование сложной, многоцветной ткани исторического процесса, его зигзагообразности и многовариантности, за которыми в конечном счете выступает ведущая тенденция — объективная закономерность»³⁸. Было бы наивным упрощением выводить то или иное частное явление культуры непосредственно из экономики или политики, но столь же неправомерно отрывать главные тенденции эволюции культуры от общественных условий, ее породивших.

³⁷ Типология и периодизация культуры Возрождения/Сб. статей под ред. В. И. Рутенбурга. М., 1978.

³⁸ Жуков Е. М. Некоторые проблемы методологии истории. М., 1977, с. 8.

В советской византиноведческой науке в последние десятилетия все большее признание получают исследования типологического характера. В этом аспекте трактовались советскими учеными проблема генезиса феодализма в Византии³⁹, история византийского города⁴⁰, и, наконец, была сделана попытка создания типологии феодализма в Византийской империи⁴¹.

Все яснее вырисовывается картина типологических особенностей общественного строя Византии, что открывает перспективы для построения типологии византийской культуры. Ведь типологические черты византийской культуры, ее неповторимое своеобразие, естественно, во многом определялись историческими судьбами и спецификой общественного строя Византийской империи. Прочной основой для типологических изысканий служат также многочисленные труды по истории культуры Византии, вышедшие в нашей стране и за рубежом.

Исходя из этого, мы попытаемся высказать здесь самые предварительные, во многом еще гипотетические соображения о типологических особенностях византийской культуры в сравнении с культурой средневекового Запада и Востока.

Для вычленения византийской культуры из всей средневековой культуры Европы, Переднего и Ближнего Востока важным ориентиром являются три фактора: в Византии существовала языковая и конфессиональная общность в рамках единого государственного образования. При всей многоэтничности Византийской империи она имела одно главное этническое ядро — греков, в ее культурной жизни преобладал греческий язык. В Византии господствовала христианская религия в ее православной форме, всегда сохранялась устойчивая государственность.

Это, конечно, не исключает того, что византийская культура не только оказала воздействие на обширный ареал соседних стран, но и сама подвергалась постоянному влиянию как племен и народов, населявших ее, так и сопредельных государств. На территории Византии происходило взаимодействие культур народов с весьма различным общественным строем, близких и далеких по этносу и языку, обычаям и нравам. Поэтому так важно установление локальных различий в культуре отдельных областей империи (Малая Азия, Египет, Сирия, Балканы, области Причерноморья, Закавказья и др.).

Роль ведущей греко-римской культуры в истории народов империи и соседних с ней стран может быть до конца понята лишь в контексте взаимодействия культур, а не одностороннего воздействия на них более вы-

³⁹ *Удальцова З. В.* К вопросу о генезисе феодализма в Византии. — В кн.: ВО, II. М., 1971, с. 3—25; *Удальцова З. В., Гутнова Е. В.* Генезис феодализма в странах Европы. Доклад на XIII Международном конгрессе историков в Москве. М., 1970; *Удальцова З. В.* Генезис и типология феодализма. — СВ, 1971, № 34, с. 13—38; *Сюзюмов М. Я.* Дофеодальный период. — АДСВ, 1972, VIII, с. 3—41; *Он же.* Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада. — ВВ, 1974, 35, с. 3—18.

⁴⁰ *Курбатов Г. Л., Рутенбург В. И.* Зилоты и чомпи. — ВВ, 1969, 30, с. 3—37; *Вернер Э.* Византийский город в эпоху феодализма. Типология и специфика. — ВВ, 1976, 37, с. 8—12.

⁴¹ *Удальцова З. В.* Проблемы типологии феодализма в Византии. — В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975, с. 124—157; *Гутнова Е. В., Удальцова З. В.* К вопросу о типологии развитого феодализма в Западной Европе. — Там же, с. 107—123; *Удальцова З. В., Осипова К. А.* Отличительные черты феодальных отношений в Византии. — ВВ, 1974, 36, с. 3—30; *Удальцова З. В.* Византия и Западная Европа (типологические наблюдения). — В кн.: ВО, III. М., 1977, с. 3—65; *Udalszowa Z.* Einige Besonderheiten des Feudalismus in Byzanz. — Gesellschafts-Wissenschaften. М., 1978, 2 (12), S. 192—206.

сокой византийской культуры⁴². При этом необходимо учитывать ослабление византийского культурного влияния не только по мере территориальной отдаленности того или иного народа, но и в прямой связи с уровнем развития его собственной культуры, степени ее самобытности и устойчивости местных традиций⁴³.

Не менее сложен вопрос о взаимодействии культур народов одного уровня развития. При изучении типологических отличий той или иной культуры чрезвычайно важно установить, являются ли специфические черты данной культуры результатом проявления внутренних, имманентных ей закономерностей развития или выражением стадийальных различий, присущих культуре народов, находящихся на определенной стадии общественного прогресса, а также выявить, какую роль при этом играют внешние влияния.

Византия в течение своего тысячелетнего существования встречалась с внешними мощными культурными импульсами, исходившими от народов близкой ей стадии развития. Это прежде всего были культуры стран Востока, Ирана, Египта, Сирии, Закавказья, а позднее латинского Запада и Древней Руси. В период взаимодействия этих культур явственно проявились общие закономерности эволюции культуры одной феодальной формации при сохранении в данном случае специфики каждой страны.

С другой стороны, Византии приходилось вступать в разнообразные культурные контакты с народами, стоящими на несколько или на значительно более низкой стадии общественного развития (византийцы обычно третировали эти народы, называя их «варварами»). Самобытность культуры этих народов в свою очередь отражала определенную степень их общеисторической и культурной эволюции⁴⁴. Не останавливаясь на всех аспектах этой обширной и чрезвычайно сложной проблемы, подчеркнем необходимость самого пристального изучения культурных влияний не только в районах совместного обитания разных народов, но и в контактных зонах⁴⁵. Самым малоизученным и трудным аспектом этой проблемы является выяснение не только степени и характера влияния византийской культуры, но и обратного влияния культуры этих народов на византийское общество.

Весьма важную роль в складывании византийской культуры, по нашему мнению, сыграли длительные и многообразные контакты с народами Востока. Географическое положение Византии, раскинувшей свои владения на двух континентах — в Европе и Азии, а порою простиравшей свою власть и на области Африки, во многом определяло необходимость и неизбежность подобных контактов⁴⁶.

Постоянное раздвоение между восточным и западным миром, скрещение азиатских и европейских влияний стало историческим уделом Византии. Слияние греко-римских и ближневосточных традиций наложило

⁴² Лазарев В. Н. Константинополь и национальные школы в свете новых открытий. — ВВ, 1960, 17, с. 93—104; *Он же*. Искусство средневековой Руси и Запад (XI—XV вв.). Доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук. М., 1970.

⁴³ Удальцова З. В. Русско-византийские культурные связи. Доклад на XIII Международном конгрессе в Оксфорде в 1966 г. — *Proceedings of the XIIIth international Congress of byzantine Studies* (5—10 September 1966). London; New York; Toronto, 1967, p. 81—91.

⁴⁴ Даркевич В. П. Связи Восточной Европы со странами Азии и Византии в IX—XIII вв.; *Он же*. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X—XIII вв. М., 1975; *Он же*. О некоторых византийских мотивах в древнерусской скульптуре. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1963.

⁴⁵ Корольюк В. Д. Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бессынтезного региона в Восточной и Центральной Европе. — В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. . . , с. 158—184.

⁴⁶ Удальцова З. В. Проблемы типологии феодализма в Византии. — В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. . . , с. 132—133; Guillou A. La civilisation byzantine, p. 19—100.

отпечаток не только на общественную жизнь, государственное устройство и социальную структуру, но и на религиозно-философские идеи, политические доктрины, культуру и искусство византийского общества. Византийская культура при этом отнюдь не была механическим смешением греко-римских и ближневосточных компонентов с преобладанием в отдельные эпохи то одних, то других. Она была плодом реального, полнокровного синтеза, в результате которого создалась новая, неповторимая, совершенно особая в своей самобытности и не имеющая исторических аналогий культура, в свою очередь оказавшая длительное воздействие на культуру многих сопредельных стран и народов.

Вклад культуры народов Востока в формирование и развитие византийской цивилизации по-разному оценивается в византиноведческой науке. Теория «восточных влияний» имеет как своих горячих адептов⁴⁷, так и не менее решительных противников⁴⁸. Особо подчеркивается различная степень интенсивности воздействия восточных элементов в отдельные периоды истории византийского общества.

Думается, что не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать значение восточных традиций как одного из составных компонентов византийской культуры. В типологическом аспекте, интересующем нас, кажется бесспорным, что греческая, вернее, греко-римская в своей основе, византийская культура в процессе своего становления и развития значительно обогатилась элементами культуры народов Востока, что придало ей тот неповторимый колорит, который так отличает ее от культуры Западной Европы⁴⁹. Поэтому первой, на наш взгляд, и важнейшей типологической особенностью византийской культуры, особенностью, проходящей красной нитью через всю историю Византии, является синтез западных и восточных элементов в разных сферах материальной и духовной жизни общества.

При определении общего и особенного в культуре разных стран и народов, в частности в византийской культуре, мы встречаемся еще с одним крайне важным вопросом — вопросом о роли традиций и новаторства в культурно-историческом процессе. Ведь известно, что одним из главных условий поступательного развития культуры является непрерывность передачи опыта, знаний, навыков от поколения к поколению. Сохранение вековых традиций, культурного наследия того или иного народа помогает обнаружить не только различия между культурно-историческими эпохами, социэтническими общностями, но и выявить преемственные (временные и пространственные) связи между ними. Традиции, стереотипы, повторяющиеся явления в культуре на первый взгляд противоречат индивидуальному, творческому началу, но в конечном счете помогают его саморазвитию. Изучение в культуре традиционных явлений, стереотипности в то же время помогает пониманию причин рождения новых индивидуальных черт в культурной жизни общества.

Для византийской культуры проблема культурного наследия, в частности наследия античности, как известно, играет первостепенную роль. Сила традиций, стереотипов, канона в византийской культуре была очень велика, хотя и менялась в различные периоды византийской истории. Византийская цивилизация в отличие от западноевропейской в тревожные времена варварских нашествий во многом оставалась последним оплотом

⁴⁷ Айналов Д. В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900; *Vryonis Sp.* The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkeley and Los Angeles, 1971, p. 70, 85, 194; *Haussig H.-W.* A History of Byzantine Civilization, p. 168—174, 332—343

⁴⁸ *Lemerle P.* Le premier humanisme byzantin, p. 22—37.

⁴⁹ С. С. Аверинцев убедительно показывает в своей книге влияние восточных элементов на византийскую культуру и призывает к дальнейшему изучению этой проблемы (*Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы, с. 246—249).

греко-римской культуры и образованности. Как византийская государственность устояла под натиском варваров, так и византийская культура сумела противостоять волне варварских влияний.

Основные причины длительного переживания в Византии античных элементов во всех сферах жизни общества надо искать, по нашему мнению, в типологических особенностях общественного строя империи. Главными типологическими чертами социально-экономического развития Византии, на наш взгляд, были длительное сохранение рабства, прочность сельской общины, медленное развитие феодализма по сравнению с Западом. Эти особенности общественного строя Византийской империи складывались еще в эпоху генезиса феодализма, в период, когда происходило зарождение и оформление византийской культуры⁵⁰.

Генезис феодализма в Византии происходил на основе синтеза элементов разлагающейся рабовладельческой формации с феодальными отношениями, вызревавшими внутри византийского государства, однако с явным превалированием античных начал, унаследованных от поздней Римской империи⁵¹. Эта кардинальная особенность формирования средневекового общества в Византии, естественно, оказала определяющее воздействие и на характер византийской культуры.

И здесь, как в сфере взаимодействия «восточных» и «западных» влияний, на наш взгляд, произошел органический синтез позднеантичных элементов с нарождающейся культурой средневекового общества, что принимало форму сближения и отталкивания, борьбы и слияния, взаимопроникновения и взаимообогащения античной и христианской культур⁵².

Если на Западе, как известно, замечательные произведения античности были преданы забвению и для их возрождения к новой жизни потребовались столетия, то в Византии античное культурное наследие по существу никогда не переставало существовать, хотя и подвергалось глубокому переосмыслению⁵³.

Особенно интенсивный синтез позднеантичной и нарождающейся средневековой христианской культуры происходил в Византии IV—VII вв. Становление византийской культуры протекало в обстановке полной острейших противоречий идейной жизни ранней Византии⁵⁴. Это было время, когда складывались основы идеологии византийского общества, оформлялась система христианского мирозерцания. Формирование христианства как философско-религиозной системы было, как известно, сложным и длительным процессом. Христианское вероучение синтезировало, впитало в себя многие философские и религиозные учения той эпохи. Христианская догматика складывалась под сильным воздействием не только ближневосточных религиозных учений, иудаизма, манихейства, но и неоплатонизма, восходящего к философии Платона, перипатетиков⁵⁵.

Мистический и теистический характер философской системы неоплатоников, их этические воззрения перекликались с христианским аскетизмом, открывали путь к сближению этих учений. Догмат о троичности

⁵⁰ Удальцова З. В. К вопросу о генезисе феодализма в Византии. — В кн.: ВО, II, с. 13—20.

⁵¹ Удальцова З. В., Гутнова Е. В. Генезис феодализма в странах Европы, с. 1—3.

⁵² Удальцова З. В. Из истории византийской культуры раннего средневековья. — В кн.: Европа в средние века: экономика, политика, культура: Сб. статей к 80-летию академика С. Д. Сказкина. М., 1972, с. 260—276; Бычков В. В. Византийская эстетика, с. 5 сл.

⁵³ Античность и Византия/ Сб. статей под ред. Л. А. Фрейберг. М., 1975; Алпатов М. В. Проблемы изучения византийской живописи. — В кн.: Этюды по истории древнерусского искусства. М., 1967, т. 1, с. 26—41.

⁵⁴ Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии, с. 3—5, 319—328.

⁵⁵ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы, с. 71 сл.; Бычков В. В. Византийская эстетика, с. 9 сл.; Mathew G. Byzantine Aesthetics. London, 1963.

божества, один из центральных догматов христианского вероучения, — это по существу переосмысленная триада неоплатоников⁵⁶. Однако христианство, несмотря на наличие общих с манихейством и неоплатонизмом черт, принципиально отлично и от манихейского дуализма, и от неоплатоновского монизма. Оставляя в стороне сложные вопросы христианской догматики, мы хотим подчеркнуть, что само христианство являлось не только синкретическим религиозным учением, но и синтетической философско-религиозной системой, важным компонентом которой были античные философские учения. Это, быть может, объясняет в какой-то мере и то, что христианство не только боролось против античной культуры, но и использовало ее в своих интересах. На смену риторической непримиримости раннего христианства, отрицавшего все, на чем стояло клеймо язычества, постепенно приходит известный компромисс между античным и христианским мирозерцанием.

Наиболее образованные и дальновидные христианские богословы поняли необходимость овладения всем арсеналом языческой культуры, использования ее филигранной формы при создании новых философских и эстетических концепций. В патристической литературе ранневизантийской эпохи, в трудах Василия Кесарийского, Григория Нисского и Григория Назианзина, в речах Иоанна Златоуста мы видим сочетание идей раннего христианства с неоплатонической философией, порой парадоксальное переплетение античных риторических форм с новым идейным содержанием. Христианские богословы, писатели, проповедники все чаще и чаще заимствуют у поздней античности импонирующую простоту и пластичность философской прозы, отточенные методы неоплатонической диалектики, логику Аристотеля, психологизм и искристое красноречие античной риторики. Постепенно происходит подспудная реабилитация классического образования и античной литературы; в школах наряду с Библией изучают Гомера⁵⁷.

В переходную эпоху гибели рабовладельческого и становления феодального общества коренные сдвиги происходят во всех сферах духовной и материальной культуры Византии. Рождается новая эстетика, возникает новое понимание мира, более соответствующие складу мышления и эмоциональным запросам средневекового человека.

Меняется и сам средневековый человек, его видение мира, его отношение к вселенной, природе, обществу. Создается новый по сравнению с античностью «образ мира», воплощенный в особую знаковую систему символов. На смену античному представлению о героической личности, античному видению мира как мира смеющихся богов и бесстрашно идущих на смерть героев, мира героической непреклонности и философской невозмутимости, мира, где высшее благо — ничего не бояться и ни на что не надеяться, приходит мир страждущего, униженного, раздираемого противоречиями, стенающего в слезах от боли маленького, греховного человека. Он бесконечно унижен и слаб, но он бесконечно велик, ибо безгранично верит в свое спасение в иной жизни и в своей ослепительной надежде сохраняет высокое человеческое достоинство⁵⁸.

Если классическое античное представление о человеке было статуарно-замкнутым, целостно-пластичным, то христианство с небывалой интенсивностью выявляет мучительное раздвоение внутри человеческой личности. Меняется и представление человека о космосе, о времени и пространстве, о ходе истории: на смену замкнутым историческим циклам античных писателей приходит телеологическое, обусловленное волей бога,

⁵⁶ *Хвостова К. В.* Неоплатоническая философия IV—VI вв. — В кн.: ИВ, т. 1, с. 395—408.

⁵⁷ *Удальцова З. В.* Византийская наука и просвещение в IV—VII вв. — В кн.: ИВ, т. 1, с. 379—394; *Фрейберг Л. А.* Античное литературное наследие в византийскую эпоху. — В кн.: Античность и Византия, с. 5—31.

⁵⁸ *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы, с. 57—83.

библейское видение поступательного движения истории средневековых историков и хронистов⁵⁹. Усиливается дидактический, «учительский» элемент во всех сферах культуры; слово и книга, знак и символ, пронизанные религиозными мотивами, занимают большое место в жизни человека ранневизантийской эпохи⁶⁰. Расшифровать этот язык, понять глубину его символики, прочесть скрытые официальными стереотипами мысли и представления византийского человека, его этические и эстетические взгляды, проникнуть в его сознание означает раскрыть человеческое содержание в византийской культуре, увидеть человека Византии в его социально-культурной обусловленности.

Вся духовная жизнь общества отличается драматической напряженностью, в империи бушуют тринитарные и христологические споры, идет борьба господствующей церкви с ересями⁶¹. Вместе с тем во всех сферах знания, в литературе, искусстве наблюдается удивительное смешение языческих и христианских идей, образов, представлений, колоритное соединение языческой мифологии с христианской мистикой. Эпоха становления новой, средневековой культуры рождает талантливых, порою отмеченных печатью гениальности мыслителей, писателей, поэтов (Псевдо-Дионисий Ареопагит, Григорий Назианзин, Роман Сладкопевец и др.). Индивидуальность художника еще не растворилась в церковно-догматическом мышлении. Интимная биографичность, глубочайший самоанализ, смятенность душевных переживаний характерны для некоторых поэтических произведений того времени. Так, психологизм и душевная открытость поэзии Григория Назианзина перекликаются со знаменитой на Западе «Исповедью» Августина. Патристическая литература, библейская космография, литургическая поэзия, всемирная хроника, христианская агиография приходят на смену античной литературе и овладевают умами византийского общества⁶².

В художественное творчество из народной среды все сильнее проникают стихийный темперамент, цельность и наивность восприятия мира, искренность и эмоциональная приподнятость нравственных оценок (агиография), сильная народная струя ощущается в литургической поэзии, где в это время рождается рифма, ломается античная метрика, торжествуют новые эстетические идеалы, в частности в творчестве Романа Сладкопевца⁶³.

Коренные изменения происходят и в сфере изобразительного искусства. Византийское искусство генетически восходит к эллинистическому и восточнохристианскому художественному творчеству. В ранний период в византийском искусстве как бы слились воедино рафинированная пластичность и трепетная чувственность позднеантичного импрессионизма с наивной, порою грубоватой экспрессивностью народного искусства Востока. Эллинизм долго оставался главным, хотя и не единственным источником, откуда византийские мастера черпали изящество форм, правильность пропорций, чарующую прозрачность колористической гаммы. Испытав воздействие египетских, сирийских, малоазийских, иранских художественных традиций, византийские художники, однако, уже в VI—VII вв. смогли не только впитать эти многообразные влияния, но и преодолеть их, создать свой собственный стиль в искусстве. Эллинистический языческий антропоморфизм наполнялся совсем иным идей-

⁵⁹ *Аверинцев С. С.* Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья. — В кн.: *Античность и Византия*, с. 266—285; *Тичуров И. С.* К проблеме авторского самосознания византийских историков IV—IX вв. — Там же, с. 203—217.

⁶⁰ *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы, с. 109—128, 150—182, 183—210.

⁶¹ *Удальцова З. В.* Церковная политика Юстиниана. Народно-еретические движения в империи. — ИВ, т. 1, с. 267—281.

⁶² *Удальцова З. В.* Идеино-политическая борьба в ранней Византии, с. 319—328.

⁶³ *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы, с. 210—236.

ным содержанием, искусство проникалось философскими представлениями восточного христианства, а эстетика византийских мастеров оказалась органически связана с религиозным мирозерцанием. Византийское искусство, признав примат духовного начала над телесным, победу духа над плотью, ставило своей основной эстетической задачей воплощение в художественном образе трансцендентной идеи. Сенсуалистическая, чувственная эстетика античности не отвечала уже запросам господствующего класса и православной церкви Византии и была вытеснена спиритуалистическими идеалами средневековья⁶⁴. Прекрасные, радостные, пантеистические божества греков заменил трансцендентный, суровый, далекий от мира бог, воплощение чистой идеи; белоамраморные храмы древней Эллады, пронизанные солнцем, как бы слитые с окружающей природой, сверкающие на фоне неба и моря, сменила скромная по внешнему виду христианская базилика, вся прелесть которой таилась в ее внутреннем убранстве.

В полумраке сводов византийских храмов сумеречно сияло множество свечей и лампад, озарявших таинственными отблесками золото мозаик, темные лики икон, многоцветные мраморные колоннады, великолепную драгоценную утварь. Статуи античных богов и героев, прекрасные в своей мужественной пластичности, навсегда были изгнаны из дворцов и храмов и уступили место аскетическим образам христианских святых, воплощавших на мерцающем золотом фоне икон и мозаик бесплотный идеал христианского смирения⁶⁵.

Глубокий спиритуализм эстетических воззрений византийского аристократического общества не увел, однако, искусство Византии окончательно в мир голой абстракции. В отличие от мусульманского Востока, где примат духовного начала над плотским привел к господству в изобразительном искусстве геометризма и орнаментальных форм, вытеснивших изображение человека, в искусстве Византии человек остался в центре художественного творчества. Человеческая фигура выступала в византийской живописи носителем основных художественных идей⁶⁶.

В византийском искусстве складывается устойчивый канон в создании образа человека. Если языческий мир воспевал в нем телесную красоту, то византийское искусство прославляло его душевное величие и аскетическую чистоту. Голова как средоточие духовной жизни становится доминантой человеческой фигуры, тело же стыдливо скрывается под струящимися складками одеяний, линейная ритмика сменяет чувственную экспрессию. В изображении человеческого лица на первый план художник выдвигает его одухотворенность, самоуглубленную созерцательность, глубину душевных переживаний. Огромные глаза с экстатически расширенными зрачками, пристальный взор, который как бы завораживает зрителя, высокий лоб, тонкие, лишенные чувственности губы — характерные черты портрета в искусстве Византии.

Религиозное мировоззрение и спиритуалистический характер эстетики, порожденные общественными отношениями эпохи, сделали невозможным проявление реалистического течения в искусстве Византии, но сохранение эллинистических традиций, восстановление античной системы пропорций и эллинистической иллюзионистской техники не позволили окончательно дематериализовать человеческий образ, рас-

⁶⁴ Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1947, т. I, с. 23—62; Полевой В. М. Искусство Греции. Средние века. М., 1973.

⁶⁵ Комеч А. И. Символика архитектурных форм в раннем христианстве. — В кн.: Искусство Западной Европы и Византии, с. 209—223; Брунов Н. И. Архитектура Византии.

⁶⁶ Бычков В. В. Византийская эстетика, с. 154 сл.; Он же. Об эстетической значимости художественных оппозиций. — В кн.: Теоретические проблемы марксистско-ленинской эстетики. М., 1975, с. 195—200; Аверинцев С. С. Предварительные заметки к изучению средневековой эстетики. — В кн.: Древнерусское искусство. М., 1975, с. 371—397.

творить его в абстрактной символике. И огромную роль в этом, конечно, сыграло сохранение античных традиций не только в искусстве, но и во всех сферах культуры.

Но вполне закономерно, что для науки наибольший интерес представляет не сохранение элементов старой, отживающей культуры, а становление новых культурных ценностей средневекового мира. Поэтому не следует ни идеализировать, ни преувеличивать сохранение античной культуры, особенно в период господства феодальных отношений в Византии.

И хотя подавляющее большинство византинистов признает переживание античных традиций в течение всего существования империи, однако вопрос о степени, масштабах, характере использования в Византии культурного наследия античности вызывает в науке немалые разногласия. Эти споры, естественно, теснейшим образом связаны с общей дискуссией о континуитете и дисконтинуитете в общественных отношениях Византии⁶⁷. Некоторые ученые отстаивают теорию континуитета античных традиций в общественном строе и культуре империи, особо выделяют периоды взлета, возрождения элементов античности, находят в истории византийской цивилизации несколько Ренессансов («Комниновский ренессанс», «Палеологовский ренессанс» и др.)⁶⁸. Другие подходят к этой проблеме с большей осторожностью⁶⁹. Не вдаваясь в подробности этой дискуссии, мы хотим обратить внимание на главное: в отличие от Западной Европы, почти целиком утраченной в раннее средневековье сокровища античной культуры, в Византии традиции греко-римской цивилизации никогда не умирали, а упадок образованности ощущался в значительно меньшей степени, чем на Западе. Средневековая христианская Византия как бы хочет, но не может сбросить с себя наследие античной культуры и все вновь и вновь обращается к этому источнику знания.

Поэтому вторым важным типологическим отличием византийской культуры является, на наш взгляд, сохранение в Византии в значительных масштабах культурных традиций античности. Объективной исторической закономерностью, породившей эту типологическую особенность культуры Византии, были, как мы видели, основные тенденции общественного развития империи.

Третье важное типологическое отличие византийской культуры по сравнению с западноевропейской было также порождено спецификой социально-политической структуры Византии. Византия была единственной страной в Европе, которая в период варварских завоеваний сохранила свое самостоятельное государственное существование, затем упрочила его и превратилась в одно из сильнейших централизованных государств средневекового мира.

Византийская империя по форме правления и организации государственной власти не имеет аналогий на Западе. Формы государственного устройства, существовавшие в странах Западной Европы, были, как известно, весьма многообразны⁷⁰. Византия же в течение всей своей тысячелетней истории по политической структуре представляла собой самодержавную монархию.

⁶⁷ Weiss G. *Antike und Byzanz. Die Kontinuität der Gesellschaftsstruktur.* — *Historische Zeitschrift*, 1977, 224, S. 529—560; Сюзюмов М. Я. Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада, с. 3—18; Lemerle P. *Le premier humanisme byzantin*, p. 301—305; *Idem.* *Byzance et les origines de notre civilisation.* — In: *Venezia e l'Oriente fra tardo Medioevo e Rinascimento.* Venezia, 1966, p. 1—17.

⁶⁸ Haussig H. *W. A History of Byzantine Civilization*, p. 320—350, 361—370.

⁶⁹ Ahnweiler H. *L'idéologie politique.* . . , p. 5 sq.; Pertusi A. In margine alla questione dell'umanesimo bizantino: il pensiero politico del cardinal Bessarione e i suoi rapporti con il pensiero di Giorgio Gemisto Pletone, p. 96; Guillou A. *La civilisation byzantine*, p. 116, 204, 263, 399—400; Hunger H. *Byzantinische Grundlagenforschung*, XVI, S. 72; XVII, S. 158.

⁷⁰ Гутнова Е. В., Удальцова З. В. К вопросу о типологии развитого феодализма в Западной Европе, с. 112 сл.

В Византийской империи окончательно сложилось и получило теоретическое осмысление господствующее в средние века учение о монархическом государстве, единой, вселенской христианской империи во главе с императором. Христианская церковь в Византии обосновала теорию божественного происхождения императорской власти, дав религиозную санкцию неограниченной христианской монархии. В теоретическом оформлении учения об автократии важную роль сыграло унаследованное от поздней Римской империи обожествление личности императора, а также философско-политические концепции абсолютной власти, воспринятые Византией от восточных народов ⁷¹.

Культ императора — правителя всей православной ойкумены и культ державы ромеев — защитницы и покровительницы христианских народов, проповедь исключительности византийской государственности рождаются еще в ранней Византии, но достигают своего апогея в конце IX—X в., в период наивысших внешнеполитических успехов империи. Господство «государственной» политической доктрины пронизывает теперь буквально все сферы политики, идеологии, культуры и приводит к унификации и «централизации» общественной мысли и художественного творчества ⁷². В это время наблюдается известная стабилизация византийской культуры, завершается систематизация христианского богословия, богословско-философская мысль окостеневает, теряет свой полемический характер, труды богословов и философов делаются все более догматичными и компилятивными. Происходит как бы обобщение и классификация всего достигнутого в науке, богословии, философии, литературе. Этому сопутствует усиление традиционализма и консервативных веяний в духовной жизни византийского общества. Идеализация величия империи, прославление василевсов ромеев, истинной веры, правопорядка, превосходства цивилизованных византийцев над невежественными «варварами» получают выражение в застышем в своем парадном величии придворном этикете и церковном ритуале, в пышности императорских дворцов и храмов, в репрезентативности всей византийской культуры. В общественной жизни господствует политическая ортодоксия ⁷³. Магия обряда проникает всюду — в богослужение, в придворный церемониал, в дипломатию и частную жизнь общества. В греческой литургии как бы сливаются воедино медлительный ритм богослужебного действия, величавое спокойствие церковных гимнов с торжественными интонациями церковной музыки и очертаниями церковного интерьера ⁷⁴.

Византийская литература, как и вся культура той эпохи, строго подчиняется определенному канону, унифицируется, в своей основе становится статичной, бездейственной, рассудочной. Процветают жанры похвальных речей в честь императоров и патриархов (энкомии), метафоры и аллегории делаются все пышнее, но безжизненнее, масштабы повествования грандиознее, но дальше от интимной жизни и психологических переживаний человека. В литературе господствует символика, канонизация ситуаций и образов, повествование замыкается в кругу излюбленных трафаретных сюжетов, в церковной литературе поселяются стереотипные герои, бесплотные аскеты и мученики, господствуют абстрактные пейзажи, фразеологический этикет. Полнокровные образы и бытовые детали, грубоватый народный юмор житийной литературы ранней Визан-

⁷¹ *Удальцова З. В., Осипова К. А.* Отличительные черты феодальных отношений в Византии, с. 29—30; *Удальцова З. В.* Византия и Западная Европа, с. 46—56; там же см. литературу по этой теме.

⁷² *Ahrweiler H.* L'idéologie politique. . . , p. 39—50; *Beck H.-G.* Res Publica Romana. Vom Staatsdenken der Byzantiner. München, 1970; *Idem.* Das byzantinische Jahrtausend, S. 33—86; 257—289.

⁷³ *Beck H.-G.* Das byzantinische Jahrtausend, S. 87—108.

⁷⁴ *Лихачева В. Д.* Искусство книги. Константинополь. XI век, с. 104 сл., 162—165; *Бычков В. В.* Византийская эстетика, с. 61 сл.

тии предаются забвению. Канонизированность и унифицированность всей духовной жизни постоянно поддерживаются строгой регламентацией мышления со стороны государства и господствующей церкви⁷⁵. Задачи творчества четко ограничены поучительностью, дидактичностью литературы: цель писателя — не осмысление природы и бытия, а просвещение и спасение тех, кто бродит во тьме невежества и греховности. Общественная мысль, литература, искусство как бы отрываются от реальной действительности и замыкаются в кругу высших абстрактных идей.

В византийском искусстве ныне господствует пышная декоративность, символизирующая величине империи и императоров, в живописи и архитектуре поощающая строгая, рассудочная симметрия, спокойная, торжественная уравновешенность линий и движений человеческих фигур на фресках и мозаиках храмов. Византийская живопись все более и более приобретает вневременной и внепространственный характер; абстрактный золотой фон, столь любимый византийскими мастерами, заменяет реальное трехмерное пространство, выполняя важную эстетическую функцию: он призван как бы отгородить отвлеченные образы от живой действительности окружающего мира. Образ человека застывает в величественном бесстрастии, лишается динамизма, олицетворяет состояние аскетического покоя или царственного могущества⁷⁶.

Одновременно в византийской культуре окончательную победу одерживает аристократическое направление, выражающее эстетические идеалы высшей византийской придворной знати. Столица империи Константинополь превращается в прославленный художественный центр средневекового мира, в признанного законодателя мод, в «палладиум искусств и наук», как называли его современники. Вплоть до крестовых походов да отчасти и позже Константинополь не знает себе равных среди городов Западной Европы. Лондон и Париж, Венеция и Генуя, города других стран Европы казались чуть ли не захолустьем по сравнению со столицей византийской империи. Вспомним хотя бы, как были поражены крестоносцы величием, красотой и роскошью Константинополя. Огромный, хорошо укрепленный город, украшенный великолепными дворцами и храмами, крупнейший порт Средиземноморья, город изнеженной праздности и неутомимого труда, средоточие неограниченной власти и арена социальных битв, город императоров, вельмож, чиновников, пестрой городской толпы, религиозный центр православия и очаг византийской культуры, город поразительных социальных контрастов, город-Левиафан, он по своему экономическому и политическому значению, по своей роли в истории византийской культуры мог сравниться лишь с Римом эпохи расцвета. Недаром Константинополь и называли вторым Римом⁷⁷.

Рафинированная культура и искусство Константинополя, тесно сросшиеся с придворным ритуалом и церковным культом, выполняли в Византии важнейшие социально-политические функции. Подданных империи — христиан — они должны были наставлять в истинной вере, смирять их волю и отуманивать разум в мистическом экстазе, подчинять душу всеобъемлющей власти государства и церкви. Тем более что церковь и государство являли не только полное единство, но церковь сама склоняла голову перед могуществом императорской власти⁷⁸. Чужеземные же варварские народы они призваны были ослеплять своей пышной роскошью и утонченным аристократизмом, внушать им преклонение перед

⁷⁵ *Beck H.-G.* Das byzantinische Jahrtausend, S. 109—136; *Фрейберг Л. А., Попова Т. В.* Византийская литература эпохи расцвета. IX—XV вв., с. 17—285.

⁷⁶ *Лазарев В. Н.* Византийская живопись, т. I, с. 74—94, 104—121; *Бычков В. В.* Византийская эстетика, с. 144—165.

⁷⁷ *Удальцова З. В.* Проблемы типологии феодализма в Византии, с. 145—147; *Она же.* Византия и Западная Европа, с. 23—25; *Удальцова З. В., Осипова К. А.* Отличительные черты феодальных отношений в Византии, с. 25—26.

⁷⁸ *Удальцова З. В.* Византия и Западная Европа, с. 31—43, 53—56.

величием Ромейской державы и Константинопольской церкви. В Византии той эпохи индивидуум растворялся в обществе, а идея величия в идеологии, литературе и искусстве прилагалась лишь к церкви, государству, императору. Византийское искусство становится все более программным, строго регламентируется, его тематика и иконография подчиняются устойчивому канону, оно, как и другие сферы культуры, как бы закаменеет в гордом величии своего неизменного совершенства⁷⁹.

Мы уже отмечали ранее, что особое, доминирующее положение Константинополя представляло собой характерную, типологическую особенность общественной жизни и социальной структуры империи. Теперь нам хочется подчеркнуть, что эта отличительная черта социально-экономического и политического развития Византии наложила свой отпечаток и на культуру империи. Во многом она определила типологические отличия византийского искусства от художественного творчества Западной Европы классического средневековья. В Византии нивелирующая струя единого художественного стиля была значительно сильнее, чем на Западе, где царил многообразный мир школ и направлений, где сказалось влияние изменчивых форм местного искусства. В то время как Запад жил многоликой художественной жизнью и там было столько же течений в искусстве, сколько крупных городов, богатых аббатств и замков владетельных феодалов, в Византии местные школы живописи и зодчества большей частью подчинялись воздействию художественных норм столичного искусства⁸⁰. Если на Западе в живописи царил как бы анархизм тематики, иконография менялась, постоянно рождались новые сюжеты, прославляющие местных святых, патронов феодальных княжеств и городов, то в Византии раз созданный иконографический канон, подчиненный дидактическим целям, оставался почти неизменным на территории всей страны. Скользящее воздействие традиционализма мешало внутреннему саморазвитию византийского художественного творчества и, быть может, послужило одной из причин, не позволивших искусству Византии подняться позже до вершин западноевропейского Ренессанса. Итак, господство государственных доктрин, культ империи и императора, централизация и унификация всей культуры, канонизация эстетики аристократического общества столицы являются, на наш взгляд, третьей типологической особенностью культуры Византии по сравнению со странами Запада.

Победа феодализма в Византии и его дальнейшее развитие (X—XIV вв.) привели к существенным изменениям также и в византийской культуре. В это время растет феодальное землевладение в провинциях империи, укрепляется экономика провинциальных городов, начинается упадок Константинополя⁸¹.

В связи с этим в Византии появляются новые центры культуры, оформляется феодальная идеология⁸².

В канонизированной культуре Византии, где, казалось, бы, незбылемо царили раз и навсегда установленные идеи и представления, уже с XI—XII и особенно в XIV в. пробиваются ростки новых, более прогрессивных идейных течений, идет подспудная, а порою и открытая борьба

⁷⁹ Лазарев В. Н. История византийской живописи, т. I, с. 104 сл.; Липшиц Е. Э., Банк А. В. Искусство Византии IX—XI вв. — ИВ, т. 2, с. 387—420.

⁸⁰ Лазарев В. Н. История византийской живописи, т. I, с. 189—207; Он же. Константинополь и национальные школы. . ., с. 93—104.

⁸¹ Удальцова З. В. Византия и Западная Европа, с. 25—37, 51—52; Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977 (библиография — с. 294—304).

⁸² Советы и рассказы Кекамена. М., 1972 (см. введение Г. Г. Литаврина — с. 5—115); Медведев И. П. Мистра. Л., 1973.

передовых мыслителей, философов, писателей, представителей народных ересей против господства государственной и церковной идеологии.

Было бы неверно полагать, что господство канонов свидетельствует о полном духовном застою, лени мысли, бессилии ума византийцев. В XI—XII вв. в Византии появляются рационалистические идеи в философско-богословских трудах, которые проявляются в стремлении сочетать веру с разумом и даже иногда поставить разум выше веры. Выразителями рационалистических веяний в византийской философии были Михаил Пселл и Иоанн Итал⁸³. Последний, как известно, за свои прогрессивные идеи подвергся жестокому гонению со стороны господствующей церкви. Представление о застойности, косности византийской культуры, отсутствию в ней динамики, развития творческой мысли, долго господствующее в историографии, за последние годы опровергается многочисленными трудами византинистов у нас и за рубежом. Ростки нового прорастают с XI—XII вв. в литературе (антицерковная сатира, воинская повесть, любовный роман), в историографии (Никита Хониат) и других областях знания. По мере роста провинциальных городов кончается монополия Константинополя в сфере культуры, возникают новые культурные центры в Мистре, Никее, Трапезунде⁸⁴ и в других регионах империи. Под покровом стереотипов жило, действовало и пробивало себе дорогу новое, творческое начало в культуре византийского общества.

Прогрессивные явления в византийской культуре, появившиеся в XI—XII вв., нашли свое дальнейшее развитие в последний период существования империи. Даже в самую тяжелую годину вражеских нашествий в Византии сохранились очаги культуры, билась живая мысль, зрели новые идеи, порою опережавшие свой век и предвосхищавшие эпоху гуманизма. Передовые социально-политические идеалы зилотов, оригинальные философские концепции Феодора Метохита, смелая, пусть и утопическая, философско-религиозная система Георгия Гемиста Плифона, стремившегося создать не только языческую пантеистическую религию, но и возродить в Византии идеальное государство Платона, хотя и были обречены на неудачу, но оставили заметный след в развитии человеческой мысли⁸⁵. Последний период истории Византии был в то же время веком выдающихся византийских эрудитов, таких, как Дмитрий Кидонис, Мануил Хрисолор, Виссарион Никейский и др. Их труды вызвали восхищение итальянских гуманистов, многие из которых были их учениками. Заметен в это время прогресс в точных и естественных науках, в историографии появляются крупные писатели (Халкокондил, Сфрандзи, Критувул, Дука), в произведениях которых прослеживаются гуманистические черты — интерес к человеческой личности, к природе, мирозданию, наряду с библейской концепцией исторического процесса зарождаются новые историко-философские концепции⁸⁶. Теснее становится идейное общение византийских эрудитов с итальянскими учеными, писателями, поэтами, все сильнее проявляется их влияние на формиро-

⁸³ Любарский Я. Н. Михаил Пселл. Личность и творчество. М., 1978 (библиография — с. 264—274); Михаил Пселл. Хронография/Пер., статья и прим. Я. Н. Любарского. М., 1978; Stéphanou P. Jean Italos, philosophe et humaniste. Roma, 1949.

⁸⁴ Медведев И. П. Мистра, с. 95—148; Жаворонков П. И. У истоков образования Никейской империи. — ВВ, 1977, 38, с. 30—37; Карпов С. П. Трапезунд и Константинополь в XIV в. — ВВ, 1975, 36, с. 83—99.

⁸⁵ Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976; Ševčenko I. Théodore Méthochites. . . — In: Art et société à Byzance, p. 13—39.

⁸⁶ Красавина С. К. Мироззрение и социально-политические взгляды византийского историка Дуки. — ВВ, 1973, 34, с. 3—16; Удальцова З. В. Философские труды Виссариона Никейского и его гуманистическая деятельность в Италии. — ВВ, 1973, 35, с. 75—88; Она же. Жизнь и деятельность Виссариона Никейского. — ВВ, 1976, 37, с. 74—93.

вание раннеитальянского гуманизма. Именно византийским эрудитам суждено было открыть западным гуманистам прекрасный мир греко-римской древности, познакомить их с античной литературой, подлинными трудами Платона и Аристотеля.

В искусстве так называемого Палеологовского ренессанса выступают гуманистические черты, вырабатывается более экспрессивный живописный стиль, усиливается динамизм, жестикация фигур делается порывистой, одеяния развеваются, ракурсы делаются свободнее и смелее. Усложняется иконография, иные изображения приближаются к жанровым сценам, образы теряют былую монументальность и неподвижность (Кахрие Джами, Мистра). И тем не менее искусство Византии как бы остановилось на пороге Ренессанса, так и не перейдя заветной черты, отделяющей средневековое спиритуалистическое искусство от полнокровного, чувственного реалистического искусства Возрождения⁸⁷.

Объяснения этому, естественно, надо искать опять-таки в исторических судьбах Византии, в типологических особенностях ее социально-экономического и политического развития. Слабость ростков предкапиталистических отношений, отставание экономики городов поздней Византии от Западной Европы, особенно от итальянских городских центров, засыле феодалов и слабость городских классов⁸⁸, острая идейная борьба в империи, закончившаяся победой мистического течения — исихазма, катастрофическое внешнеполитическое положение и многое другое обусловили то, что блестящий взлет Палеологовского возрождения оказался кратковременным, гуманистические идеи потерпели поражение, а расцветший на почве Мистры и в Кахрие Джами хрупкий цветок предренессансного искусства увял под холодным дыханием аскетических идей исихазма и канонизированного эстетства господствующей церкви.

Мы наметили лишь три главные типологические особенности византийской культуры в целом: влияние культуры Востока (Египет, Сирия, Палестина, Иран, арабы, турки и др.), длительное и устойчивое сохранение античных традиций, господство государственной доктрины и доминирующая роль столицы, приведшие к централизации и канонизации византийской культуры. Это, естественно, главные, но далеко не единственные особенности культуры Византии. Дальнейшие исследования прольют дополнительный свет на эту сложную и еще не изученную проблему.

В заключение хочется подчеркнуть, что в истории культуры, как и в истории общества, доминантой является прогрессивное развитие человечества. Однако поступательное движение общества и его культуры идет не прямолинейно, в нем наблюдаются зигзаги и отступления. Каждый прогрессивный этап в развитии общества имеет начало, кульминацию и упадок, что относится и к явлениям культуры. Но это отнюдь не циклическое развитие, а чаще всего развитие по спирали. Ведь оно состоит из непрерывного ряда фаз или этапов подъема и упадка, один законченный этап сменяется другим, новым, более высоким по своему внутреннему содержанию и уровню. Вместе с тем новое явление в культуре, пока не ясна генеральная тенденция его движения, может показаться даже менее развитым по сравнению с предшествующим культурно-историческим этапом. Это положение вполне применимо к истории византийской культуры. Средневековая византийская культура в целом по своим главным тенденциям была более прогрессивной по сравнению с рабовладельческой культурой позднеантичного времени. Между тем в науке долгое время господствовало представление о том, что византийская

⁸⁷ Лазарев В. Н. История византийской живописи, т. I, с. 208—258; *Он же*. Византийское и древнерусское искусство, с. 38—54; Алпатов М. В. О мозаиках Кахрие Джами. — В кн.: Этюды по истории русского искусства, с. 56—62.

⁸⁸ Удальцова З. В. Византия и Западная Европа, с. 34—37.

культура была шагом назад по сравнению с античной культурой, что в византийское время произошла утрата ряда достижений и ценностей античного мира. Многочисленные и разнообразные исследования византинистов за последние годы полностью опровергли это представление. На передний план в исследованиях византинистов выдвигаются именно прогрессивные тенденции в развитии византийской культуры, знаменующей поступательное движение как всего византийского общества, так и различных проявлений его культурной жизни.

И вряд ли сейчас кто-либо из ученых будет возрождать ушедшую в прошлое теорию о застойности, неподвижности византийской культуры, ее консерватизме и даже мнимой отсталости по сравнению с блестящей культурой античности. Теперь, думается, стало достаточно ясно, что византийская культура — это закономерный этап поступательного развития мировой культуры, этап, имевший, однако, свои специфические, неповторимые типологические особенности.